

КАБАНОВ ДЕНИС

СТАЛЬНОЙ КАЛИБР

Книга 2. Губернаторский мандат

Денис Кабанов

Губернаторский мандат

«Автор»

2026

Кабанов Д. В.

Губернаторский мандат / Д. В. Кабанов — «Автор», 2026

Уральский маховик выходит на областной уровень - время бумажных лимитов уступает место каленному регламенту архитектуре города, коммунальных сетей и дорог. Одержав сокрушительную победу на выборах с историческим результатом 84% голосов Дмитрий Андреевич Краснов вступает в должность губернатора Челябинской области. Но наследство сабуровских откатов и ничего неделания чиновников. Но у стальной озерской сцепки Краснова один регламент на все времена - честный мужицкий ум и работа до звона. Казначей Леонид Чайкин запускает новые жёсткие сита, блокирует счета спекулянтов и выбивает в кремле рекордные 20% местных налогов. Строители Левченко строит дороги на шлаковой от металлургии подушке 1 км в месяц. А на заводе ЧТЗ Тюменские кулибины модернизируют двигатели (электромагнитные клапана) и подвеска (электромагнитная), получая 50% экономию в топливе и МУ получают дополнительные премии к ЗП. Южный Урал выходит за 3 года в битву за Президентский пост

© Кабанов Д. В., 2026

© Автор, 2026

Денис Кабанов

Губернаторский мандат

Книга 2. Губернаторский мандат

Глава 1. Кабинет с видом на промзону

Сентябрьский Челябинск встретил новую власть тяжёлым, свинцовым небом и затяжным дождём, который смывал с парадных гранитных ступеней областного правительства предвыборную пыль. Дмитрий Андреевич Краснов сидел в монументальном губернаторском кресле, обитом зелёной кожей, и привычно листал папки. Обстановка вокруг была роскошной — дубовые панели, хрустальные люстры, дорогие ковры, — но сам Андреич чувствовал себя здесь как на временном командном пункте. Пиджак тёмно-серого костюма висел на спинке стула, рукава рубашки были закатаны по локоть, а на полированном столе, прямо поверх министерских докладов, лежала его верная стальная рулетка.

Предыдущего губернатора, Бориса Викторовича Сабурова, арестовали жёстко, прямо на рассвете после подсчёта голосов. Брала силовики из главка при поддержке озерских оперативников майора Воронова. Сабурову предъявили полный букет: взятки в особо крупном, системные откаты на строительстве перинатального центра, махинации с дорожными фондами и незаконное использование ЧОПов для давления на бизнес. Кадры, где холёного экс-главу региона ведут в наручниках по коридору собственного особняка, крутили по всем центральным каналам.

В Москве, в кабинетах старой партийной и чиновничьей номенклатуры, арест Сабурова восприняли нервно, но прагматично. Отмазывать его столичная верхушка не собиралась — Сабуров слишком глупо проиграл Озёрску, подставился под ФСБ генерала Воронова и стал токсичным балластом, который проще было сдать правосудию, чтобы не злить стотысячную армию уральских рабочих. Но и без внимания Сабурова в следственном изоляторе № 1 не оставили. В СИЗО к нему тут же зачастили дорогие столичные адвокаты. Наверху очень боялись, что раненый и преданный экс-губернатор, спасая свою шкуру от максимального срока, начнёт петь на допросах и потянет за собой цепочки в федеральные министерства. Сабурова обложили плотной юридической заботой, мягко намекая: сиди тихо, лишнего не болтай, а мы сделаем так, чтобы суд отмерил по минимуму, да и досрочное освобождение по здоровью организуем.

Краснов это прекрасно понимал. Он закрыл папку со следственными выписками и посмотрел на сидящего напротив мужчину. Леонид Николаевич Чайкин, официально назначенный главой областного комитета финансового контроля, сидел ровно, как струна, бережно прижимая к коленям неизменный кожаный портфель. На его худом лице не было ни тени робости перед губернаторским кабинетом.

— Значит, столичные адвокаты вокруг него кругами ходят? — глуховатым басом спросил Краснов.

— Именно так, Дмитрий Андреевич, — сухо ответил Чайкин, поправляя очки. — Сабуров молчит как рыба на допросах, вину признаёт частично, кивает на исполнителей. Его московские кураторы пытаются заморозить расследование, чтобы мы не вышли на транши министерства транспорта. Но я уже заблокировал все счета подрядчиков

«Регион-Строя». Деньги области мы вернули, лимиты под моим личным контролем.

«Сколько вору ни виться, а казначейский арест не обойдёшь, и если бумага честная — никакой московский адвокат её не оспорит».

— Добро, Леонид. Нам его молчание даже на руку, — Краснов поднялся, подошёл к окну и посмотрел на раскинувшийся внизу промсектор. — Пока Сабуров держит рот на замке, его банда в министерствах думает, что опасность миновала, и сидит спокойно. Самое время рубить корни. Краснов затеял чистку кадров, масштабную, по всей области, снизу доверху. Остав-

лять в креслах сабуровских прихвостней, которые привыкли пилить бюджеты, было нельзя — область бы просто не пережила грядущую зиму.

Дверь кабинета негромко отворилась, и на пороге вырос майор Артём Седых, переведённый в областной аппарат УВД. Седых был в форме, подтянут, а в руках держал запечатанный пакет с синими штампами.

— Андреич, Чайкин, здорово, — Седых плотно закрыл дверь и положил пакет на стол. — Привет от генерала Воронова. Из управления ФСБ папочки подоспели. Используя связи в ФСБ и авторитет Коршунова, мы за неделю подняли такие оперативные архивы на министерство строительства и лесное хозяйство, что там половину аппарата можно увозить на нары прямо с обеденного перерыва. Телефоны министров на прослушке, скрытое наблюдение установлено. Сабуровские замы думали, что ты обычный мужик из ЖКХ и полезешь в лоб, а мы под них подкоп чекистский сделали.

Краснов подошёл к столу, сорвал сургучную печать с пакета ФСБ и тяжело усмехнулся. В его глазах блеснул тот самый опасный, стальной огонёк, с которым он когда-то заходил в гараж № 47.

— Ну вот и ладушки, мужики, — веско пробасил новый губернатор. — Первую фигуру на доске они прикрыли своими адвокатами, но всю партию им не спасти. Начинаем чистку. Чайкин, бери эти папки, перепроверяй каждую областную смету по строительству, ищи левые транши. Седых — обеспечиваешь силовое прикрытие. На их звонки из Москвы не реагировать, козырями не светить. Мы эту уральскую систему до последнего болта переберём и заставим звенеть честным металлом. «Правда — она как уральская сталь: гнётся, но не ломается, а коли за неё рабочие мужики дружно взялись — так и вся область в одну стальную сцепку встанет». Включаем дефектоскопы, мужики. Чистка началась.

Глава 2. Праздничный салют и тихие браслеты

Челябинск отмечал свой круглый юбилей — **город-завод праздновал 290-летие**. Сентябрьское утро выдалось на удивление тёплым и солнечным, словно сама уральская природа решила дать новому губернатору передышку. Город бурлил: Кировка была запружена нарядами людьми, на площади Революции монтировали гигантскую сцену, а из динамиков разносились весёлые песни. Повсюду пахло сахарной ватой, жареными шашлыками и свежей выпечкой. Дмитрий Андреевич Краснов лично координировал организацию праздника, заставив Минкульт и городские службы отказаться от привычных сабуровских пошлых баннеров в пользу чествования простых людей — на главных стендах города теперь красовались огромные портреты лучших токарей, сталеваров и врачей региона.

Днём Краснов вместе с Анной и Машкой прошёл по праздничным улицам. Люди узнавали нового главу региона, подходили прямо на площади, жали руки, благодарили за спасённый Озёрск и честные выборы. Анна, крепко державшая мужа под руку, тихо шепнула:

— Дима, посмотри, как люди улыбаются. Они ведь поверили тебе. Настоящий праздник получился, без чиновничьей фальши.

— Это только аванс, Анечка, — негромко, но тепло ответил Дима, поправляя лацкан пиджака. — Нам этот кредит доверия теперь делом отрабатывать надо. «Праздник — он тогда в радость, когда в домах тепло и в карманах честно, а коли в казне дыра — так и салют не греет».

Ближе к вечеру, когда над рекой Миасс начали собираться праздничные толпы в ожидании грандиозного фейерверка, Краснов незаметно покинул семью и вернулся в свой рабочий кабинет. Там его уже ждали майор Артём Седых и Леонид Чайкин. В кабинете горела лишь одна настольная лампа, а на экранах мониторов, подключённых к закрытой сети ФСБ, бежали строчки оперативных депеш. Начинаясь подпольная, невидимая для празднующей толпы часть этого дня.

Краснов затеял чистку кадров, и день города стал идеальной ширмой. Пока вся областная верхушка гуляла на губернаторском приёме в концертном зале, оперативники Седыха сов-

местно с чекистами генерала Воронова проводили тихие аресты казнокрадов. Расчёт Краснова был ювелирным: чиновники расслабились, охрана была увлечена праздником, а громкая музыка и залпы салюта глушили любые лишние звуки.

— Как идут дела, Артём? — Краснов сел за стол, не снимая пиджака.

Седых, держа в руке рацию, удовлетворённо крикнул:

— Первого приняли, Андреич. Тихо, без шума и пыли. Министр лесного хозяйства области Копылов взят прямо на выходе из загородного ресторана. По бумагам Чайкина он за лето списал под «санитарную вырубку» триста гектаров вековой тайги, а кругляк ушёл в Китай через подставные фирмы Сабурова. Взяли с поличным, в чемодане — наличка, паспорт на чужое имя и билет до Дубая. Парень думал, что на празднике про него забыли. Сейчас

уже в СИЗО оформляется, Денис Воронин лично браслеты защёлкивал.

— А что по дорожникам? — Краснов повернулся к Чайкину.

Леонид Николаевич качнул головой, его глаза за стёклами очков хитро блеснули: — Глава областного Дорожного фонда Сухов тоже в капкане. Его взяли прямо в служебном кабинете, где он пытался сжечь в шредере дубликаты весенних смет по ремонту трассы М-5. Я его схемы три дня потрошил. Там завышение объёмов по укладке асфальта шло в два раза, а субподряды Сабуров отдавал своим фирмам-однодневкам. Чистый состав преступления. Сухов сейчас сидит перед следователем, бледный как полотно, и уже начинает давать показания на московских кураторов. «Вор думал, что праздник всё спишет, да только у казначейского контроля выходных не бывает, и каждая украденная копейка сама за собой конвой приведёт».

В этот момент за окнами кабинета с оглушительным грохотом разорвался первый залп праздничного салюта. Небо над Челябинском расцвело тысячами ярких изумрудных и багровых огней. Толпа на набережной восторженно вздохнула.

Краснов подошёл к окну, глядя на полыхающее небо и отражение огней в тёмной воде Миасса. Под аккомпанемент этого салюта в городе тихо и планомерно ликвидировалось всё сабуровское гнилое наследие. Четверо ключевых министров-взяточников из старой обоймы Сабурова в эти минуты уже давали показания в следственных изоляторах.

— Хорошо поют, — тихо пробасил Дмитрий Андреевич, слушая раскаты фейерверка. — Праздник городу мы дали честный. Но завтра понедельник, мужики. Эти тихие аресты — только первый слой изоляции, который мы с казнокрадов сняли. Дальше ПВХ-броня начнётся — министерские боссы в Москве так просто свои кормушки не отдадут. Нам область до зимы перебрать надо, чтоб ни одного свища в системе не осталось. «Правда — она как уральская сталь: гнётся, но не ломается, а коли за неё рабочие мужики дружно взялись — так и вся область в одну стальную цепку встанет». Готовьте папки по Минздраву, Леонид. Наша чистка только набирает ход.

Глава 3. Стальной невод и чекистский упрек

Понедельник в Челябинске начался не с утреннего кофе в министерских кабинетах, а с глухого скрежета стальных браслетов. Дмитрий Андреевич Краснов не стал растягивать удовольствие и играть с сабуровскими недобитками в кошки-мышки. Уральский характер не терпел полумер. Брать решили всех и сразу — одним мощным, скоординированным ударом, чтобы ни одна министерская крыса не успела смотать удочки и сбежать за границу с наворованными миллиардами.

С пяти утра здание областного УФСБ напоминало растревоженный улей. По личному приказу генерала Воронова и при силовом прикрытии бойцов спецназа, на улицы областного центра выехали сразу два десятка оперативных групп МВД и Чека. Координировал действия майор Артём Седых, чей гаражный опыт ловли шпионов теперь развернулся на масштабы всей области.

— Жёстко работаем, парни, — Седых застёгивал бронежилет перед картой города. — По адресам заходим одновременно. Телефоны глушить, никаких звонков адвокатам и курато-

рам в Москву. Все вокзалы, аэропорт Баландино и трассы М-5 перекрыты патрулями ГАИ. Захлопываем невод.

В министерстве здравоохранения в этот момент разыгралась настоящая драма. Министр Головин, лощёный столичный ставленник, который только-только приехал из Нишцы, сидел в своём шикарном кабинете и судорожно пытался перевести остатки откатов за недостроенный перинатальный центр на подставные счета в Эмиратах. Он уже почувствовал, что под ногами горит земля после вчерашних арестов на Дне города. Ноутбук министра мигал синим экраном, когда тяжёлая дубовая дверь кабинета слетела с петель от удара кувалды.

— Всем оставаться на местах! Работает ФСБ! — рывкнул Денис Воронин, заходя в облаке щепок и штукатурки.

Гловин испуганно икнул, попытался захлопнуть крышку компьютера, но крепкий оперативник перехватил его холёную руку, заламывая за спину. Стальные наручники защёлкнулись с сухим, победным звуком.

— Вы... вы не имеете права! Я федеральный назначенец! Сабуров в курсе! — визжал министр, утыкаясь лицом в полированный стол.

— Сабуров в СИЗО макароны по графику ест, и вы сейчас к нему на ужин успеете, — жёстко оборвал его Воронин, выдёргивая флешку из разъёма.

В это же время в другом конце города, прямо на взлётно-посадочной полосе аэропорта, оперативники заблокировали частный бизнес-джет. Внутри салона, обняв кожаный кейс с золотыми слитками и валютой, дрожал министр промышленности и транспорта области Хвостов. Он успел добежать до трапа, смотал удочки, но взлететь ему не дали — тяжёлый муниципальный КаМАЗ Озёрского водоканала по личному распоряжению Миши Кострова заблокировал рулёжную дорожку. Хвостова выводили под белые ручки прямо по бетонке, под удивлённые взгляды стюардесс.

К полудню в кабинете губернатора Краснова наступила тишина. На столе перед Дмитрием Андреевичем лежала свежая, ещё пахнущая типографской краской оперативная сводка. Напротив сидел Леонид Николаевич Чайкин, придирчиво вычёркивая фамилии из кадрового реестра области.

— Ну что, Леонид Николаевич, каков итог нашего невода? — Краснов налил себе крепкого чаю из брусничного листа.

Чайкин аккуратно поправил очки и ровным, сухим голосом зачитал:

— Дмитрий Андреевич, план «Всех и сразу» выполнен безупречно. Задержано четырнадцать высокопоставленных чиновников областного аппарата. Минздрав, Минпром, Минтранс и руководство фонда жилищного строительства — верхушка ликвидирована полностью. Ни один не успел пересечь границу области. Мои ревизоры уже опечатали все их кабинеты и серверные. Денежные потоки заморожены, счета министерств под моим личным казначейским контролем. «Вор всегда думает, что он хитрее закона, да только когда невод стальной и честный — из него ни одна гнилая рыба не выскользнет».

Дверь кабинета открылась, и зашёл усталый, но довольный майор Седых, бросая на стол связку конфискованных телефонов:

— Всё, Андреич. Система Сабурова на Урале помножена на ноль. В Москве сейчас в министерствах настоящая паника, телефоны обрывают, но генерал Воронов все звонки блокирует. Мы их переиграли на упреждение.

Краснов медленно поднялся, подошёл к окну и посмотрел на огромные корпуса Челябинского тракторного завода, над которыми уверенно поднимался густой рабочий дым. Напряжённость последних дней наконец-то сменялось суровой, мужицкой гордостью. Область была зачищена от гнили за один день.

— Добро, мужики, — веско, с железной уверенностью пробасил новый губернатор. — Первую, самую грязную волну мы сбили. Казнокрадов упаковали, краники им перекрыли

наглухо. Но расслабляться рано. Теперь начнётся самая тяжёлая работа — надо всю эту разруху восстанавливать. Чайкин — бери новых ребят из казначейства, перепроверяй сметы по перинатальному центру, запускай стройку заново, но уже без откатов. Седых — держи ухо востро, Москва Сабурова сдала, но новые хищники обязательно попытаются сюда залезть. Нам надо область к зиме подготовить так, чтобы ни одного свища в системе не осталось. «Правда — она как уральская сталь: гнётся, но не ломается, а коли за неё рабочие мужики дружно взялись — так и вся область в одну стальную сцепку встанет». Невод мы закинули знатный, парни. Включаем дефектоскопы на полную мощность. Наша битва только начинается.

Главы 4. Новые рельсы и кадровый калибр

Краснов размашисто, один за другим, подписывал приказы об утверждении ключевых руководителей Уральской области.

— Ну вот и ладушки, мужики, — веско пробасил Андреич, откладывая ручку в сторону и поворачиваясь к соратникам. — Основной костяк мы расставили: Кострова бросили на Минстрой, Самойлова — на Минздрав, директора Тракторного — на Минпром и Минтранс, а Чайкин Озёрск под личный контроль взял как новый мэр. Ладно, пускай теперь министры себе замов своих берут, из проверенных работяг да инженеров. Главное, чтобы Чайкин документы на них оформил быстро и по закону, без казначейской волокиты. Нам раскачиваться некогда.

Чайкин аккуратно собрал подписанные листы в свой кожаный портфель и согласно кивнул:

— Всё сделаем, Дмитрий Андреевич. Юридическое и финансовое сопровождение я беру на себя. Документы оформим до конца дня. Замы у новых министров будут пахать в поле, а не бумажки перекаладывать. «Каков полк, таков и командир, а коли командиры у нас честные — так и замы воровать поостерегутся».

Краснов подошёл к окну, глядя на раскинувшийся внизу Челябинск, над которым ложился первый вечерний туман. Кадровый невод сработал идеально, ключевые посты были закрыты, Озёрск запечатан новой администрацией, а планы на будущий год обретали контуры честной, мужицкой работы.

— Тыл у нас крепкий, мужики, — подытожил Губернатор. — Озёрскую больницу под Самойлова перестроим так, что вся Россия завидовать будет. А впереди — долгая зима и большая работа по всей области. «Правда — она как уральская сталь: гнётся, но не ломается, а коли за неё рабочие мужики дружно взялись — так и вся область в одну стальную сцепку встанет». Завтра вызывай Кострова и директоров заводов на ковёр, Леонид. Переходим от арестов к большой стройке и чистке нашей экологии.

Глава 5. Тюменская искра и первый клапан

Февральское утро на Челябинском тракторном заводе встретило озерский штаб Краснова глухим гулом работающих мартенов и звенящей морозной тишиной закрытого цеха № 4. Сюда, в самый дальний тупик заводской территории, Костров по личному приказу Дмитрия Андреевича уже три дня стягивал лучшее оборудование и станки ЧПУ, вычищенные Чайкиным из арестованных гаражей сабуровского «АвтоДора».

Краснов зашёл в цех вместе с Леонидом Чайкиным в самый разгар утренней пересменки. Мужики-механики, набранные из лучших городских автобаз, уже всю потрошили пригнанный на модернизацию старенький ЛиАЗ. Рядом с раскиданным до винтика ДВС стоял верстак, заваленный чертежами, проводами и микроконтроллерами. Возле него, усердно споря и размахивая осциллографом, замерли те самые тюменские Кулибины — братья Алексей и Сергей.

— Ну что, инженеры, здорово, — веско пробасил Краснов, ладонью пробуя плотный холод литого блока цилиндров. — Как наши электромагнитные клапана? Поедет уральская техника без сабуровских распредвалов?

Старший из братьев, Алексей, весело оскалился, вытирая замасленные пальцы ветошью: — Дмитрий Андреевич, проект — чистая сталь! Мы полностью выкинули из головки блока всю

механику ГРМ — ни распредвалов, ни ремней, ни толкателей. Вместо них на каждый клапан наши механики из автобаз вручную смонтировали мощные электромагнитные соленоиды. Вот, поглядите на стенд!

Сергей щёлкнул тумблером питания. Клапана на опытном макете застрекотали с бешеной, пулемётной скоростью. На экране диагностического планшета ровным монолитом выстроилась синусоида фазирования.

— Компьютер ловит фазы до миллисекунды, Андреич! — взхлёб продолжил Алексей. — За счёт того, что мы убрали механическое трение и заставили клапана открываться строго по электронной прошивке, расход солярки на обкатке упал сразу на сорок два процента! Мощность на низах выросла на треть, двигатель вообще не греется. Мужики в цеху сначала не верили, а теперь у них глаза горят, конвейер запустить просят! Нам бы только расходников и материалов побольше...

Чайкин солидно поправил свои роговые очки, придирчиво заглядывая в казначейские простыни ведомостей:

— По расходникам и металлу вопрос закрыт, Алексей. Пятьдесят процентов казначейской экономии от прошлых коммунальных рейдов я уже запечатал под ПВХ-броню этого цеха. Магнитка соленоиды поставляет без задержек, лимиты чистые, ни один надзор из Челябинска не подкопается. Работаем строго по нашему, озерскому уставу: половину сэкономленных миллионов — в бюджет области на копейские дороги, а вторую половину — вам на закупку комплектующих и двойные оклады мастерам. «Честный счёт — крепкий дом, а когда рабочий человек видит, что от его ума казна полнится, так он этот мотор закрытыми глазами соберёт».

Краснов удовлетворённо улыбнулся в усы, чувствуя, как уральский маховик набирает настоящую, неостановимую мощность:

— Молодцы, мужики. Руку набили, теперь расширяем конвейер. Никакой третьей смены ночью не городить, людям отдыхать надо. Костров завтра освобождает под вас соседний калибровочный корпус, добавляем площади и цеха для сборки. Загоняйте туда автобусы и трактора фермеров со всей южной зоны, пускай пацаны из техникума на этой живой дневной сборке характер набивают. «Ум в голове — как искра в цилиндре, а коли наши Кулибины за самостоятельную работу взялись — так и вся область в одну стальную сцепку встанет». До ума довести первый автобус к концу недели, Миша. Лично приеду принимать.

За окнами ЧТЗ бушевала февральская метель, но в четвёртом цеху ковалась новая техническая броня региона. Озерская гвардия Краснова планомерно завязывала экономику Урала в один нерушимый, честный хозяйский монолит, где каждый клапан работал строго по госту и до единого рубля.

Глава 6. Разговор на калибр миллиардов

В кабинете губернатора было непривычно душно, несмотря на включённую на полную мощность вентиляцию. За огромным столом напротив Краснова сидели двое. Холёные, загорелые на зарубежных курортах лица, костюмы от престижных итальянских портных стоимостью в полугодовую зарплату озерского токаря, и тяжёлые золотые часы на запястьях. Владельцы металлургических гигантов Магнитки и Челябинска прилетели из Москвы на личном джете в спешном порядке. Но привычной вальяжности в их позах не было. Они понимали, что перед ними сидит не Сабуров, которого можно было купить очередным траншем в кипрский офшор, а суровый мужик, за которым глухо рычит весь рабочий Урал.

По бокам от Краснова застыли Седых и Чайкин, превратившись в живой казначейско-чекистский конвой.

— Дмитрий Андреевич, ну мы же взрослые люди, — мягко, с отработанными годами дипломатической улыбкой начал старший из олигархов, вальяжно поправляя галстук. — Мы всё понимаем, новая власть, новые задачи. Комбинаты готовы оказать области серьёзную благотворительную помощь. Скажем, пятьдесят миллионов на спортивные площадки. Но ваш этот

«экологический меморандум»... Требовать от нас остановить печи или в один момент закупать импортные фильтры на миллиарды рублей — это несерьёзно. Производство встанет, налоги упадут. Область сама взвзывает.

Краснов даже не прикоснулся к своей чашке чая. Он медленно облокотился на стол, подался вперёд, и его свинцовый, пронзительный взгляд намертво прижал столичного гостя к спинке кресла.

— Вы мне, господа хорошие, зубы не заговаривайте, — ровным, опасно глуховатым басом отрезал Губернатор. — Про ваши пятьдесят миллионов на площадки забудьте — у нас Чайкин в Озёрске за лето больше сэкономил чисто на вычищении ваших же посредников. Печи ваши останавливать никто не требует. Конвейеры Урала должны работать без остановки, потому что за ними наши рабочие люди стоят. А вот дымить в небо так, что в Челябинске и Магнитке дышать нечем, вы больше не будете. «Всяк корешок своё время знает, и ваше время безнаказанно уральский воздух травить — вышло». Либо вы строите очистные сооружения и ставите новые улавливающие фильтры, либо... Леонид Николаевич, зачитай нашим гостям спецификацию.

Чайкин с сухим стуком опустил на стол пухлую папку с синими казначейскими штампами, поправил очки и заговорил ледяным, прокурорским тоном:

— По поручению губернатора финконтроль поднял все налоговые льготы Сабурова для ваших комбинатов. Соцобъектов, под которые вам обнулили ставки на землю и имущество, вы не построили. Общая сумма задолженности перед бюджетом области на сегодняшний день — два миллиарда триста миллионов рублей. Документы полностью оформлены и завизированы в УФСБ генералом Воронова. Если соглашение по фильтрам не будет подписано в течение получаса, я включаю безакцептное списание этих средств со всех ваших счетов, а Седых накладывает арест на отгрузку готового проката до полной выплаты долга.

Олигархи разом подобрались, с их лиц мгновенно сполз столичный лоск. Младший из них нервно дёрнул воротник рубашки:

— Это рэкет! Это произвол! Мы будем жаловаться в Москву, в министерство!

Майор Седых у дверей глухо и зловеще усмехнулся, поигрывая связкой ключей: — Жалуйтесь. Телефоны ваших кураторов в Москве со вчерашнего дня на прослушке ФСБ, а бывший министр Головин в СИЗО как раз сейчас пишет подробный отчёт, какие суммы и через какие комбинаты Сабуров выводил в Эмираты. Если хотите составить ему компанию — мы минивэн у крыльца уже прогрели. Доедете быстро, без пробок.

В кабинете повисла мёртвая, звенящая тишина. Слышно было только, как мерно тикают настенные часы. Собственники заводов переглянулись — они чётко осознали, что капкан захлопнулся наглухо. Краснов не блефовал, за ним стояла казначейская плита Чайкина и чекистские папки Воронова.

— Ладно, Дмитрий Андреевич, — глухо, сквозь зубы выдавил старший олигарх, признавая полное поражение. — Допустим, мы за свой счёт покупаем системы очистки ППУ и фильтры. Но куда нам девать колоссальные объёмы металлургического шлака и отходов от печей? Если их не утилизировать, заводы задохнутся через три месяца.

Краснов тяжело, по-хозяйски улыбнулся и пододвинул к ним вторую часть договора: — А вот тут область вам плечо подставит. Работать будем в сцепке. С утилизацией отходов мы вам поможем. Весь ваш шлак после переработки и просеивания наш новый министр строительства Миша Костров забирает на нужды дорожного фонда. Этот шлак пойдёт как отличная подушка под укладку новых трасс по всей области и под теплотрассы Озёрской больницы, где мы сейчас как раз первый слой изоляции укладываем. Нам отходы — в дело для честного ремонта, вам — чистые площадки и разгрузка складов.

Олигарх дрожащей рукой взял дорогую перьевую ручку, бросил взгляд на ледяное лицо Чайкина и размашисто поставил свою подпись под экологическим ультиматумом. Второй собственник молча последовал его примеру.

Дмитрий Андреевич Краснов поднялся во весь рост, забрал подписанные бумаги и крепко запечатал их в сейф.

— Ну вот и ладушки, господа, — веско подытожил Губернатор. — Документы оформили, точки расставили. Заводы работают без остановки, но воздух над Уралом весной будет чистым. «Честное имя дороже золотого прииска, а коли на уральской земле деньги зарабатываешь — так умей и людям уважение выказывать». Свободны. Костров на проходной вас уже ждёт с техническим регламентом по шлаку.

Когда перепуганные магнаты поспешно покинули кабинет, Краснов подошёл к окну, прожояя взглядом их лощёные фигуры. Смог над Челябинском ещё висел, но хребет экологическому беспределу олигархов был переломлен окончательно. Впереди была долгая уральская зима, но стальная сцепка Краснова уже уверенно тащила область к новой, честной жизни.

Глава 7. Озёрский невод и больничный фундамент

Конец ноября принёс на Урал первый настоящий, плотный снег, но в Озёрске земля буквально горела под ногами строителей. Город, получивший мощный финансовый импульс от казначейской экономии и личный контроль нового мэра Леонида Чайкина, развернул самую масштабную реконструкцию в своей новейшей истории. Главным объектом года стала городская больница.

Ранним морозным утром у ворот больничного городка затормозил уазик. Из машины вышли мэр Чайкин — в неизменном строгом пальто, несмотря на гололёд, — и новый министр строительства области Михаил Костров, прилетевший из Челябинска специально на запуск объекта. Их уже встречал Иван Петрович Левченко, чей «СпецСтроя» выиграл чистый, вычищенный от откатов тендер.

— Ну, здорово, хозяева, — пробасил Левченко, пожимая мужикам руки. — Принимайте фронт работ. Систему мы тут развернули стальную.

Костров сразу двинулся к глубокой траншее, где монтировали новую магистраль теплоснабжения больницы.

— Докладывай, Петрович, только без министерских отчётов, — Миша спрыгнул на дно раскопа, звеня штангенциркулем. — Как шлаковая подушка легла?

— Идеально легла, Миша, как монолит! — Левченко указал на плотное, серо-сизое основание под трубами. — Тот самый металлургический шлак, который Андреич с олигархов на ковре вытряс, наши дорожники переработали, просеяли и привезли сюда. Мы его уложили, утрамбовали — основание вышло мёртвое, никакой весенний паводок или сдвиг грунта трубу теперь не поведёт. На эту подушку монтируем те самые челябинские трубы, что весной на склады приняли. Два слоя изоляции: первый — утеплитель из пенополиуретана, а второй — гидроизоляция ПВХ. Задвижки магнитогорские, сто процентов давления держат. Сейчас дефектоскопист ультразвуковым прибором швы прозванивать закончил, плотность металла проверил — прибор чистый звук дал, ни единой скрытой поры!

Чайкин, стоя на бровке траншеи, придирчиво полистал ведомости расходов:

— По накладным всё сходится, Иван Петрович. Пятипроцентную скидку казначейство учло, шлак нам заводы отдали бесплатно в счёт утилизации отходов, так что на материалах теплотрассы мы сэкономили почти полтора миллиона. Эти деньги я уже перенаправил на внутреннюю отделку хирургического корпуса. «Честный счёт — крепкий дом, а когда казённый рубль до копейки в дело зарыт, то и трубы в земле пятьдесят лет не сгниют».

Мужики поднялись из траншеи и направились к главному трёхэтажному корпусу больницы. Там всюду шёл ремонт кровли. Старый, прогнивший советский шифер, из-за которого

в палатах годами стояли тазы во время дождей, был полностью сброшен. Бригады Левченко монтировали стропильную систему.

— Стропила берём только из качественной и сухой лиственницы, — Левченко постучал обухом топора по массивному брусу. — Век стоять будет, не поведёт и не сгниёт. Следом укладываем плотный утеплитель из стекловаты, раскатываем пароизоляцию по всем строительным ГОСТам, а сверху намертво запечатываем новым оцинкованным магнитогорским профлистом толщиной ноль-семь миллиметров. К январю корпус будет как термос — сухой и тёплый.

Но самое главное творилось на втором этаже левого крыла больницы. Здесь строители полностью перестраивали помещения под автономное, передовое хирургическое отделение. По личному плану губернатора Краснова, это отделение затачивали строго под уникальную нейрохирургическую методику профессора Аркадия Самойлова. Самойлов, хоть и занял кресло министра здравоохранения области, Озёрск своим присутствием не оставлял — он лично курировал закупку новейшего оборудования и подбор молодых, зубастых хирургов из челябинского политеха.

Отделение делали по последнему слову медицины: стерильные блоки, автономная вентиляция, современная операционная. Это была личная гордость Краснова — дать уральскому гению Самойлову стальную базу, чтобы профессор на своей методике спасал жизни людей со всей страны и при этом легально зарабатывал для Озёрска хорошую копеечку на платных медицинских услугах, выводя районную больницу на полную самоокупаемость.

Краснов, наблюдавший за ходом работ через ежедневные фотоотчёты Чайкина прямо из своего челябинского кабинета, вечером набрал Озёрск по закрытой линии.

— Ну что, Леонид, как там наша больничная крепость? — пробасил в трубку Андреич.

— Всё по уставу, Дмитрий Андреевич, — отчитался Чайкин, глядя на сияющие в свете прожекторов новые листы профлиста на крыше. — Трубы звенят, шлак держит, стропила из сухой лиственницы Левченко уложил на совесть. Отделение Самойлова к зиме сдадим. Документы оформили без сучка и задоринки.

Краснов на том конце провода довольно, тяжело выдохнул:

— Ну вот и ладушки. Тыл наш озёрский стоит монолитом, Костров Минстрой в узде держит, Чайкин Озёрском правит по закону. Теперь у нас руки развязаны на всю область. Олигархов мы согнули, фильтры они закупают, воздух чистить начали. «Правда — она как уральская сталь: гнётся, но не ломается, а коли за неё рабочие мужики дружно взялись — так и вся область в одну стальную сцепку встанет». Закрывай акты, Леонид, и готовь папки по Минтрансу — у нас там на зимнем содержании дорог новые сабуровские схемы вылазят. Битва продолжается.

Глава 8. Снежный завал и дорожный капкан

Декабрь обрушился на Урал классической, яростной зимой. За двое суток область завалило месячной нормой липкого, тяжёлого снега, а следом ударил резкий сибирский мороз под минус тридцать. Федеральная трасса М-5 «Урал», зажата между горными хребтами, превратилась в сплошной ледяной каток, заблокированный многокилометровыми пробками из буксующих фур.

Но настоящий, рукотворный коллапс зрел в самом Челябинске и крупных городах области. Сабуровские недобитки — крупные дорожные подрядчики, годами кормившиеся на распиле миллиардных контрактов на зимнее содержание дорог, — решили устроить новой власти показательный саботаж. Получив утренние разнарядки из нового Минтранса, директора контор умышленно оставили тяжёлую технику в ангарах. На улицы городов вывели от силы десятую часть снегоуборщиков. Расчёт бывших хозяев жизни был прост: завалить область снегом, парализовать движение, сорвать поставки хлеба и угля, а затем через подконтрольные столичные СМИ поднять вой, что «мужик из ЖКХ Краснов» не способен справиться с уральской зимой. Насчёт этой грязной аппаратной игры Краснову доложили ещё на рассвете.

В кабинете губернатора окна до половины были залеплены колючей изморозью. Дмитрий Андреевич стоял у карты дорожной сети региона, на которой майор Артём Седых жирным красным маркером отмечал глухие заторы. За столом сидели министр строительства Михаил Костров и бледный, только что вызванный на ковёр руководитель областного Автодора.

— Значит так, мужики, — ровным, опасно тихим басом пробасил Андреич, поворачиваясь к присутствующим. — Сабуровская дорожная мафия решила со мной в прятки поиграть. Технику они, видите ли, на ремонт поставили, солярка у них застыла. Хотят область раком поставить, чтобы из Москвы проверяющие приехали. «Всяк вор до поры до времени смел, а коли зима пришла — так дорожник за каждый неубранный метр головой отвечать обязан». Саботаж я терпеть не намерен. Михаил, сколько у нас тяжёлой техники на балансе Минстроя и Озёрского Водоканала?

Миша Костров жёстко усмехнулся, потирая замёрзшие руки:

— Достаточно, Дмитрий Андреевич. Левченко из «СпецСтроя» по вашей отмашке уже поднял тридцать тяжёлых КаМАЗов, КДМ и погрузчиков. За лето мужики всю технику переработали, солярка у нас зимняя, проверенная на учениях у Коршунова. Тот самый переработанный металлургический шлак, который мы для утилизации отходов забирали, дорожники Левченко сейчас используют как мощную противогололёдную крошку — он в лёд въедается намертво, лучше любого московского реагента. Мы готовы зайти на федеральные трассы и центральные улицы Челябинска прямо сейчас.

— Добро, Миша. Выводи технику Левченко. Пусть работают без остановки, круглосуточно, — Краснов жёстко рубанул рукой воздух. — А вот с саботажниками мы поступим по нашему, казначейскому уставу. Леонид Николаевич из Озёрска уже подключил областной финконтроль. Чайкин, зачитывай санкции.

Леонид Чайкин, вышедший на прямую селекторную связь из озёрской администрации, поправил очки и зачитал ледяным тоном через монитор:

— Документы на расторжение контрактов с сабуровскими подрядчиками подготовлены. За невыход техники на маршруты и срыв стратегического жизнеобеспечения области я аннулирую все бюджетные выплаты за декабрь. Казначейство блокирует их счета по факту невыполнения госзаказа. Более того, используя папки ФСБ генерала Воронова, мы вводим процедуру принудительного изъятия их дорожной техники для муниципальных нужд в условиях чрезвычайной ситуации. «Вор думал, что он на снегопаде заработает, а останется без техники, без счетов и с перспективой сесть на нары за диверсию».

Документы оформим в течение получаса.

Майор Седых у карты довольно хлопнул ладонью по столу:

— Мои оперативники уже дежурят у ворот их автобаз. Как только Чайкин подпишет акты об изъятии — мы заводим за руль сабуровских КаМАЗов наших проверенных озёрских мужиков из Водоканала. Техника пойдёт чистить трассы под конвоем ОБЭП, а самих директоров-саботажников Воронин уже везёт на допрос к следователю.

В этот момент за окном, пробивая сильный гул метели, послышался мощный, надрывный рокот тяжёлых дизелей. Первая колонна озёрских КДМ и КаМАЗов Левченко, поднимая снежные вихри, весело пошла расчищать проспект Ленина, густо засыпая обледенелый асфальт чёрной шлаковой крошкой. Настоящая рабочая сцепка снова сработала как часы.

Краснов подошёл к окну, провожая взглядом оранжевые проблесковые маячки снегоуборщиков. Лицо его разгладилось. Попытка дорожного бунта провалилась, даже не начавшись.

— Ну вот и ладушки, мужики, — веско подытожил Губернатор, застёгивая пуговицу пиджака. — На уральской земле зима — дело привычное, и пугать нас сугробами — это как олигархов миллионами удивлять. Город мы вычистим, трассу М-5 Костров пробыёт до заката. А Чайкин пусть до копейки все их дорожные миллиарды переведёт на завершение ремонта

Озёрской больницы под хирургию Самойлова — там как раз стропила из сухой лиственницы и оцинкованный профлист ноль-семь под стекловату ложатся. «Правда — она как уральская сталь: гнётся, но не ломается, а коли за неё рабочие мужики дружно взялись — так и вся область в одну стальную сцепку встанет». Пускай чистят, Миша. Зима у нас долгая, и порядок в ней должен быть идеальным.

Глава 9. Озёрский ультиматум и казначейские сита

Март зашёл на Урал с сырыми, пронзительными ветрами, но в кабинете мэра Озёрска Леонида Чайкина окна оставались наглухо закрытыми, а воздух был раскалён от рабочих споров. За длинным столом переговоров, заваленным финансовыми простынями, сидел сам Дмитрий Андреевич Краснов, министр строительства Михаил Костров и начальники районных коммунальных управлений, оставшиеся от старой сабуровской команды.

Чайкин с сухим, хлёстким звуком опустил на полированное дерево толстую папку финконтроля, придирчиво поправляя свои роговые очки:

— Дмитрий Андреевич, докладываю по нашему казначейскому уставу. Зимняя проверка Озёрского Водоканала и теплосетей выявила колоссальные прорехи. Сабуровские назначенцы годами списывали миллионы на липовые ремонты, а на деле — задвижки на теплотрассах прогнили, давление не держится, от людей лавина жалоб идёт! Они заперлись в кабинетах и носа на улицу не кажут, с народом вообще не общаются!

Краснов медленно поднялся во весь рост, нависая над притихшими коммунальными чиновниками своей мощной фигурой. В его свинцовых eyes заиграл тот самый холодный, опасный стальной огонёк:

— Значит так, начальники, кончай штаны протирать. Проверок из Москвы вы не дожждётесь, мы теперь сами хозяева на своей земле — Президент нам двадцать процентов налогов в области оставил, казна полная, и формировать бюджет мы будем сами, по-хозяйски. Вы мне вот это объясните: почему у нас в Озёрске чиновники в тепле сидят, а столбы и провода по посёлкам как попало висят?! Люди без света кукуют, а вы мне новые сметы на согласование несёте?!

Губернатор жёстко рубанул рукой воздух, глядя на побледневшего директора теплосетей: — Мой ультиматум прежний: если к моему следующему приезду все столбы не выровняете, провода в короба не уберёте и давление в магистралях не поднимете — не видать вам премий больше никогда в жизни! Будете у Чайкина на одном голом окладе до конца дней сидеть и сами с протянутой рукой ходить! «Каков чиновник, таков и столб у дороги, а коли ты от людских слёз за глухой дверью спрятался — так мы тебя быстро из этого кабинета на мороз выставим». Вразумили? Костров, забирай у них дела на передачу, пускай наши озёрские мужики задвижки перебирают.

Костров весело оскалился, занося жесткую губернаторскую резолюцию в протокол: — Всё сделаем, Дмитрий Андреевич! Мы как раз во втором цехе ЧТЗ с Кулибиными обкатали новые блоки клапанов. Всю экономию солярки от первых девяноста городских автобусов Чайкин уже запечатал под ПВХ-броню нашего Минстроя. Правило у нас железное: пятьдесят процентов экономии идёт напрямую в областной бюджет, а остальные пятьдесят — на зарплату рабочим и закупку расходников и материалов! Инструментом, трубами и новыми магнитогорскими задвижками склады забиты под завязку. Мужики работают в две смены — в ночь идёт разбор пригнанной техники и теплоузлов, а днём собираем новые блоки, чётко распределяя обязанности между бригадами. Пацаны из техникумов на этой живой сборке такую практику пройдут, что к лету у нас в каждом районе свои инженеры сидеть будут. Дядя Вася на ЧТЗ уже шутит, что

наши новые задвижки воду не просто держать будут, а запечатывать намертво, как сейф!

— Добро, Миша. Распределяй работу с умом, пускай в архитектуре свои геодезисты линии отбивают, не надо всё на одного человека сваливать, — веско подытожил Краснов,

застёгивая штормовку. — Наводите порядок на центральных магистралях, а я еду в Троицкий район, там фермеры на перекупщиков жалуются. «Правда — она как уральская сталь: гнётся, но не ломается, а коли за неё рабочие мужики дружно взялись — так и вся область в одну стальную сцепку встанет». За работу, мужики. Наш локомотив только набирает ход!

За окнами администрации Озёрска весело шумел мартовский сырой ветер, сгоняя ледяную корку с умытых проспектов. Рабочая озерская сцепка Краснова спокойно, монолитно и с честным хозяйским юмором зачищала коммунальные тылы области до последнего болта и до единой чиновничьей премии.

Глава 10. Стальной невод и мусорный узел

Январские праздники пролетели как один день, оставив позади благословенную таёжную тишину займки Березина. На дворе стоял конец месяца, Урал сковало глухими, трескучими морозами, но в Челябинске Дмитрий Андреевич Краснов **после новогодних праздников снова вступил в бой с новыми силами**, готовый планомерно **решать старые проблемы**, накопленные в области за десятилетия сабуровского безделья. Пиджак тёмно-серого костюма снова занял своё место на спинке стула, а на рабочем столе губернатора развернулись новые дорожные и коммунальные карты региона.

Первым на повестке дня стоял **поиск новых подрядчиков на строительство и содержание дорог**. После того как Чайкин казначейским арестом умножил на ноль столичный «АвтоДор» замминистра Валуева, область временно расчищалась силами озерских КДМ и КаМАЗов Левченко. Но впереди маячил весенне-летний строительный сезон, и региону требовались постоянные, мощные и, главное, честные исполнители.

Краснов вызвал к себе нового министра строительства Михаила Кострова и казначея Леонида Чайкина:

— Значит так, мужики. Сабуровских временщиков мы с дорожного фонда ссадили, счета заблокировали. Теперь нам нужны свои, уральские дорожники. Хватит кормить московских перекупов. Ищите местных, честных подрядчиков в Магнитке, Златоусте и Челябине. Ставьте им наши озерские условия: официальный контракт под жесткий контроль Чайкина, для виду — пять процентов скидки в бюджет казны, а в качестве подушки под асфальт пускай забирают тот самый металлургический шлак, который мы с олигархов вытрясли. И заводы от отходов очистим, и дороги сделаем как броню. «Каков хозяин, таков и подрядчик, а коли у нас казначей Чайкин каждую накладную через лупу разглядывает — так ворьё на наши тендеры само не сунется».

Чайкин аккуратно поправил очки и согласно кивнул, делая пометку:

— Всё сделаем, Дмитрий Андреевич. Объединения местных дорожных артелей уже готовят документы. Конкурсы проведём чисто, без единого левого посредника. Дорожные миллиарды теперь до копейки в уральский асфальт закатаем.

Но следом на стол губернатора легла вторая, ещё более запущенная и дурно пахнущая папка. Краснову предстояло в лоб **решить вопрос с вывозом мусора и гигантской городской мусорной свалкой** на окраине Челябинска. Эта свалка, выросшая до размеров тридцатиметровой горы прямо в черте промзоны, годами дымила, отравляла подземные воды и принадлежала мутным коммерческим структурам из старой сабуровской обоймы. Мусорный оператор «Эко-Транс» умышленно саботировал вывоз отходов из дворов, требуя от новой администрации тройного повышения тарифов для населения, а саму свалку Сабуров обещал закрыть ещё пять лет назад, да только деньги на рекультивацию бесследно растворились в кипрских офшорах.

— Мусорный узел затянулся туго, Андреич, — хмуро доложил майор Артём Седых, заходя в кабинет с оперативными сводками ФСБ. — Директор «Эко-Транса» заявляет, что если мы не подпишем им новые тарифы, они завтра остановят все мусоровозы, и Челябинск за неделю утонет в отходах. Думают, у них монополия.

Краснов тяжело поднялся во весь рост, подошёл к окну и посмотрел на серую дымку над горизонтом, где за заводами высилась ядовитая мусорная гора. В его глазах заиграл тот самый холодный, опасный стальной огонёк.

— Шантажировать меня вздумали? — ровным, глуховатым басом пробасил Губернатор. — «На чужой каравай рот не разевай, а коли мусором Озёрск пугать вздумал — так сам в своих отходах и захлебнёшься». Леонид Николаевич, врубай казначейский невод.

Аннулируй их лицензию за систематическое нарушение санитарных норм. Все их счета — под арест до выяснения, куда ушли деньги на рекультивацию свалки. А Седых пускай выставляет конвой ОБЭП на автобазы: мусоровозы изъять для муниципальных нужд под гарантии ЧС, за руль посадить наших проверенных мужиков из Водоканала и автохозяйств. Город должен быть чистым.

— А со свалкой что делать будем, Дмитрий Андреевич? — спросил Костров. — Её же просто так не закопаешь.

— А мы её закроем раз и навсегда. И запустим полную рекультивацию, — жёстко отрезал Краснов. — Деньги на проект мы возьмём из тех двух миллиардов налоговых долгов, что Чайкин с олигархов-металлургов вытряс. И технологию применим нашу, уральскую. Весь этот мусорный полигон Левченко со своей артелью начнёт послойно пересыпать тем самым переработанным заводским шлаком, изолировать тяжёлыми слоями глины и закатывать под ПВХ-гидроизоляцию, как мы на больнице и теплотрассах делали, чтобы ядовитые стоки в Миасс не шли. За два года на месте этой вонючей горы зелёный холм стоять будет.

Чайкин удовлетворённо улыбнулся, закрывая кожаный портфель:

— Безупречное решение, Дмитрий Андреевич. Документы на изъятие мусорного оператора и запуск рекультивации свалки оформлю до конца дня. «Вор думал, что на грязи состояние сколотит, а останется без конторы и с перспективой сесть в одну камеру к Сабурову».

Вечером, когда первая колонна муниципальных мусоровозов под прикрытием уазиков Седых весело пошла вычищать челябинские дворы, Краснов налил себе свежего чаю. Январский бой был выигран. Дорожный невод был стянут, мусорный капкан захлопнулся наглухо, а Озёрск и Челябинск в очередной раз доказали, что уральская стальная сцепка способна перемолоть любую гниль и навести идеальный хозяйский порядок на своей земле.

Глава 11. Поджог на отвалах и капкан ОБЭП

Провокация на свалке и чекистский перехват

Февраль сковал Челябинскую область суровыми сорокоградусными морозами. По ночам над закрытой городской свалкой гулял ледяной шквальный ветер, вздымая клубы снежной пыли вокруг огромных терриконов. Отрезанные от мусорных миллиардов сабуровские дельцы из ликвидированного «Эко-Транса» решили пойти на крайние меры. Понимая, что казначейский арест Чайкина лишил их всего, мусорные короли задумали устроить масштабную диверсию: умышленно поджечь глубинные слои закрытого полигона. По их плану, тлеющий под снегом пластик должен был заволочь весь Челябинск ядовитым химическим смогом, спровоцировав экологическую катастрофу и экстренное вмешательство федеральных инспекторов из Москвы.

В три часа ночи к дальнему, неосвещённому склону свалки бесшумно подкатил внедорожник без номеров. Из машины выскочили трое крепких парней в масках-балаклавах с тяжёлыми канистрами термической смеси. Действовали нагло, уверенно — они знали, что муниципальная охрана только заступила на посты.

Диверсанты успели вскрыть защитный тент и залить горючее в вентиляционную шахту, но в этот момент вся промзона разом озарилась мощным светом ксеноновых прожекторов.

Из-за шлаковых отвалов с рёвом выскочили два полицейских уазика, намертво блокируя выезд. Капкан захлопнулся мгновенно.

— Руки за голову! Всем оставаться на своих местах! Работает ОБЭП! — рявкнул Денис Воронин, первым выскакивая из машины с автоматом наперевес.

Один из поджигателей попытался выхватить травмат, но оперативники Седых сработали на опережение: жёсткий приём на обледенелый наст, хруст стальных браслетов, и наглые гастролёры уже упёрлись лицами в заснеженную землю. Майор Артём Седых неторопливо подошёл к задержанным, поднял с земли брошенную канистру и брезгливо сплюнул на снег:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.